ЛЕОНИД
МЛЕЧИН
ОСАЖДЕННАЯ
КРЕПОСТЬ
НЕРАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ
ПЕРВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ
Почему Советский Союз оказался в изоляции
Уникальные документы
из ранее засекреченных архивов
от автора супербестселлера «КГБ. Председатели органов безопасности»

Леонид Михайлович Млечин

Осажденная крепость. Нерассказанная история первой холодной войны

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6455888
Осажденная крепость. Нерассказанная история первой холодной войны.: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04741-0

Аннотация

Противостояние России и Запада определяет не только внешнюю политику и дипломатию, но и нашу внутреннюю, даже духовную жизнь. Однако как зародилась вражда, которая не исчезла и по сей день? Когда Россия ощутила себя осажденной крепостью, одиноким воином в кольце врагов? В своей новой книге Л. Млечин, основываясь на неизвестных широкой аудитории материалах и недавно включенных в научный оборот документах, рассказывает о забытых или вычеркнутых из истории ключевых эпизодах недавнего прошлого. О том, чего западные державы ожидали от нашей страны после революции, зачем иностранные войска во время Гражданской войны высадились на тер ритории России и какие планы относительно внешнего мира строили в Москве…

Содержание

От автора 5
Часть первая. Интервенция и мировая революция 15
Граница на замке 15
Северный десант 35
Зачем Антанта вмешалась? 49
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Леонид Млечин
Осажденная крепость. Нерассказанная история первой холодной войны

© Млечин Л.М., 2013
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

Противостояние России и Запада превратилось в столь важный фактор не только внешней политики и дипломатии, но и нашей внутренней, даже духовной жизни, что возникает вопрос: с чего все это началось? Когда же зародилась вражда, которая не исчезла и по сей день, не отпускает нас, а вновь и вновь зажигает сердца? Когда Россия ощутила себя осажденной крепостью, одиноким воином в кольце врагов?

Принято считать, что холодная война между Советской Россией и Западом, прежде всего Соединенными Штатами, разгорелась после Второй мировой войны. В 2009 году издательство «Центрполиграф» выпустило мою книгу «Холодная война. Политики, полководцы, разведчики», подробно описывающую драматическую историю балансирования на грани настоящей войны.

Но очевидно, что в реальности этот открытый и прямой конфликт зародился раньше. Ныне в нашей стране многие уверились в том, что Соединенные Штаты и Запад в целом – вековечный ненавистник России. Взаимная ненависть предопределена извечным геополитическим противостоянием двух миров…

Но можно ли говорить о генетически предопределенном отторжении Запада?

История этого не подтверждает. Налицо трагедия убий-

ства прекрасной теории бандой жестоких фактов.

Да, некая взаимная недоброжелательность разделяла Восток и Запад, особенно после раскола христианской церкви. Конечно, существовала и стародавняя традиция презрения к иностранцам. Отметим и роль тех князей, которые согласились принять на себя роль вассалов перед монгольскими ханами, – это они отделили Восток, то есть Русь, от Запада. И пошло-поехало: на Востоке видели, что на Западе живут лучше и комфортнее, и технические новинки для собственной модернизации там приходится закупать, что рождало зависть и обиду. Но в те века все европейцы враждовали между собой!

До 1917 года русское общество не отделяло себя от соседей на Западе. Императорский дом был тесно, кровно связан с царствующими династиями других стран. Не существовал железный занавес, который рассек Европу на два противостоявших друг другу мира. Отчего же это случилось в семнадцатом?

Сегодня в глазах многих Владимир Ильич Ленин – жалкая фигура: злобный фанатик с примесью еврейской крови, ненавистник России, совершивший Октябрьскую революцию на немецкие деньги и победивший в Гражданской войне невероятной жестокостью ЧК.

Правда, возникает вопрос: что же это за народ, который так дешево продается? Ну, сколько там в семнадцатом году мог выделить, уже проигрывая войну, Генштаб разоренной

Германии? И вообще: ни англичане, ни французы на немецкие денежки не польстились, а русские – пожалуйста?.. Что касается жестокости, то в Гражданской по этой части отличились решительно все. «В хате за руки подвесили «комиссара», – вспоминал видный деятель Белого движения Василий Шульгин. – Под ним разложили костер. И медленно жарили человека… А пьяная банда «монархистов» выла «боже, царя храни».

Тем, кто пережил перестройку и распад Советского Союза, события 1917 года стали понятнее. Наивно утверждать, что Февральская революция была случайной, что умелые действия императора Николая II ее бы предотвратили. Революционный взрыв можно сдерживать силой – был бы Сталин бессмертен, и сейчас бы жили при диктатуре. Но недовольство копится и достигает опасной концентрации. Попытка смягчить режим, ослабить обручи приводит к тому, что заряженная порохом бочка взрывается и всю систему разносит вдребезги. Революции можно было избежать, если бы власть проявила мудрость и позволила обществу развиваться.

Февраль был праздником избавления от власти, которая надоела и опротивела всем. А дальше предстояло устраивать жизнь по-новому. А как? Полная свобода, отмечали современники, «свалилась как снег на голову народа и совершенно засыпала его ясное сознание»! Люди, не имевшие опыта участия в управлении государством, привычно ожидали, что «дело наладит кто-то другой». Выяснилось, что нет привыч-

ки к самоорганизации и сотрудничеству. В стране существовала лишь вертикаль власти, но не было горизонтальных связей. Люди не привыкли договариваться между собой – ведь все за них решало начальство. Не выработалось привычки принимать во внимание интересы других. Господствовала нетерпимость к иному мнению. Компромисс – презираемое слово.

Общество так быстро устало от раздоров и уличных демонстраций, дискуссий и митингов, нищеты и нехватки продовольствия, что жаждало передать власть тем, кто вернет стране порядок и благополучие. В житейских и бытовых неурядицах винили демократию. Забыли, что экономические трудности унаследованы Россией от царского режима. А молодая республика не могла так быстро решить все проблемы.

Не справедливо ли признать, что в семнадцатом году в России был только один прирожденный политик, способный вести за собой страну? Десятилетиями вожди белой эмиграции пытались объяснить, отчего они проиграли большевикам. Лишь одну причину старательно обходят стороной: слабость лидеров антибольшевистского движения. Историки справедливо замечают: представим себе, что Ленин и создатель Красной армии Троцкий воевали бы на другой стороне? Кто бы одержал победу?

Один Ленин обладал безукоризненным политическим инстинктом и точно понимал, что желает большинство. Кто

еще, помимо Ленина, думал о власти все двадцать четыре часа в сутки? У него были поклонники, боготворившие его и все ему прощавшие. Но близких, закадычных, интимных друзей не было. Жаль тратить на них время!

Сила Ленина состояла в том, что он дал людям то, что они хотели. Его обещание закончить войну, демобилизовать армию и отпустить одетых в серые шинели крестьян домой – к семьям и к земле – позволило большевикам взять власть. Ленин оседлал идею строительства коммунизма, справедливого общества. Хотите быть счастливыми? Надо идти на жертвы. Вот миллионы в Гражданскую войну и погибли. Ради власти он был готов на все.

«Ленин был единственным человеком, не боявшимся никаких последствий революции, – писал философ Федор Степун. – Открытостью души навстречу всем вихрям революции Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс. Не буди Ленин самой ухваткой своих выступлений того разбойничьего присвиста, которым часто обрывается скорбная народная песнь, его марксистская идеология никогда не полонила бы русской души с такою силою, как оно случилось…»

Только кажется, что за Лениным пошли лишь те, кто мечтал продолжить революционный разгул. Люди привыкли полагаться на начальство – и не выдержали его отсутствия после революции. Исчезновение государственного аппарата, который ведал жизнью каждого человека, оказалось трагеди-

ей. Большевиков поддержали те, кто жаждал хоть какого-нибудь порядка, кто повторял: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Люди верно угадали, что большевики установят твердую власть. Значительная часть общества им не симпатизировала, но еще больше успели возненавидеть свободу и демократию, которые восприняли как анархию и вседозволенность.

А приход большевиков к власти сам по себе закономерно означал начало холодной войны с остальным миром. Вот когда все это началось!

Непосредственной причиной противостояния стал отказ внешнего мира признать правительство большевиков и вооруженное вмешательство европейских держав, Соединенных Штатов и Японии в российские дела.

Страны Антанты прислали свои воинские контингенты, дабы противостоять немцам и австрийцам, с которыми большевики заключили сепаратный мир. А уже потом стали поддерживать Белое движение, поскольку его руководители выражали готовность исполнять свой союзнический долг и продолжать сражаться против кайзеровской Германии и Австро-Венгрии. Правительства генерала Деникина на Юге России или адмирала Колчака в Сибири представлялись более законными выразителями воли российского народа, чем большевики, захватившие власть в Петрограде в результате военного переворота.

Писательница Зинаида Гиппиус, ненавидевшая револю-

цию, откровенно радовалась приходу иностранных войск, как и немалая часть российской публики. 7 февраля 1918 года записывала в дневнике: «Сейчас мы опаснее, чем когда-либо, опасны для всего тела Европы. Мы – чумная язва. Изолировать нас нельзя, надо уничтожать гнездо бацилл, выжечь, если надо, – и притом торопиться, в своих же, в своих собственных интересах!»

Самой масштабной была попытка подкрепить военной силой небольшевистские правительства в Сибири и на Дальнем Востоке. По этой причине советская власть окончательно установилась там лишь в 1922 году. В книге, которую вы держите в руках, этой главе истории, имевшей далеко идущие последствия, уделено особое внимание.

Исследования последних лет показывают: военная помощь Антанты не сыграла такой значительной роли в Гражданской войне, как было принято считать в советские годы. Едва закончилась Первая мировая, как европейские державы практически утратили интерес к России, вывели свои воинские контингенты и прекратили помогать белым. Но Ленин и большевики – в пропагандистских целях – преувеличивали роль и значение интервенции, формируя представление о западных странах как о злейших врагах советской власти. Это придавало масштабность победе большевиков: одно дело разгромить белые армии, другое – одолеть четырнадцать держав Антанты.

После Гражданской войны противостояние продолжи-

лось. Большевики считали своим первейшим долгом сокрушить правящие режимы в соседних и несоседних странах и совершить мировую революцию. Поддерживали радикальных социалистов деньгами и оружием. Возможно, говорили на эту тему больше, чем делали, но им верили.

Русские блюда, язвительно писал один из руководителей Коминтерна Карл Радек, подаются в европейских ресторанах без острого соуса настоящей московской кухни. Конечно, этот соус слишком остер для буржуазного желудка, поскольку состоит из трех компонентов, без которых не может быть настоящего русского блюда, – революции, диктатуры пролетариата и правящей компартии…

Европа побаивалась такого соседа, держалась настороженно, пыталась окружить «санитарным кордоном». А в нашей стране ненависть к Западу, Америке, вообще внешнему миру намеренно культивировалась властью. Все десятилетия советской власти государство тщательно изолировалось от внешнего мира. Никого не впускать и никого не выпускать… Старые мифы не умирали, потому что подкреплялись новыми. Запас злобы и вражды стратегического значения переходил от одного поколения к другому. Штампы советской пропаганды укоренились в сердцах и умах, хотя, если вдуматься, – эти страны нисколько не виноваты в несчастьях, постигших Россию в XX столетии.

Я знал одну женщину невероятно тяжелой судьбы; казалось, на нее обрушивались все несчастья, которые только мо-

гут случиться с человеком. И всякий раз она утешала себя одним. Тяжело вздохнув, говорила:

– Слава богу, хоть не в Америке живем.

Можно представить себе, каким адом на земле рисовались ей Соединенные Штаты. Она всю жизнь прожила при советской власти, нигде не была. Свято верила тому, что писали газеты, рассказывало радио и показывало телевидение.

Хорошо помню, как сам получил первый урок мировой политики. Мне было лет пять. В нашем доме что-то случилось с водопроводом. Весь подъезд тщетно пытался справиться с потопом. Взрослые бегали с тазиками. Ждали слесаря из домоуправления. Я побежал на улицу к приятелям. И увидел на дальней скамеечке нашего слесаря в приятном обществе коллег – судя по их одинаковым чемоданчикам с инструментами.

– Значит, кто наши враги? – Слесарь загибал пальцы. – Во-первых, Америка…

Джентльмены с чемоданчиками конечно же знали, что пострадавший от потопа подъезд ждет, когда они займутся делом. Но мыслимо ли прерывать дискуссию такого высокого уровня ради столь ничтожного дела, как починка водопровода? Да и стоит ли размениваться на мелочи, когда вокруг одни враги…

Впрочем, была еще одна причина ненавидеть Запад. Православный философ Георгий Петрович Федотов описывал настроения в России после Первой мировой, революции и

Гражданской войны: «Русское национальное чувство было уязвлено глубоким поражением, разделом, падением России и, не желая взять на себя ответственность, не имея мужества покаяния, стало искать виновника вне себя – на Западе».

В результате Россия противостояла тогда всему миру. Ненависть к Западу была и важнейшим мобилизующим лозунгом, и элементом самозащиты – чтобы туда не ездили и не сравнивали уровень жизни.

– Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, – говорил в ноябре 1934 года член политбюро и формальный глава государства Михаил Иванович Калинин, – а в соответствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостному режиму.

Но дело не только в пропаганде. Какой виделась картина мира руководителям нашего государства? Они-то все знали и понимали или тоже находились во власти собственной пропаганды? И как подобные представления о мире отражались на внешней политике страны в двадцатых и тридцатых годах? Об этом тоже пойдет речь в этой книге.

Итак, как все это происходило?

Часть первая. Интервенция и мировая революция

Граница на замке

3 ноября 1917 года Петроградский военно-революционный комитет отправил комиссару станции Торнео на финляндско-шведской границе – в условиях войны это был единственный безопасный путь из России в Европу – короткую телеграмму: «Граница временно закрыта. Без особого распоряжения Военно-революционного комитета никто пропущен быть не может».

Позже последовало разъяснение. Иностранным дипломатам дозволялся проезд в обе стороны. Уезжать из России имели право только обладатели специальных разрешений Военно-революционного комитета. А беспрепятственно возвращаться в Россию могли политэмигранты. Всем остальным после Октябрьской революции въезд и выезд из страны был закрыт. Вот когда впервые опустился железный занавес и Советская Россия отгородилась от всего мира.

Мир не признавал власть большевиков – Совет народных комиссаров. Но в Смольном не собирались раньше времени ссориться с мировыми державами. Первый контакт ино-

странных дипломатов с советской властью состоялся 8 ноября 1917 года. Военный атташе Великобритании в России и одновременно начальник британской военной миссии бригадный генерал сэр Алфред Нокс прибыл в Смольный, где расположился Совет народных комиссаров, и попросил освободить взятый в плен при захвате большевиками Зимнего дворца остававшийся верным Временному правительству женский батальон (см. «Российская история», № 5/2012). Ему охотно пошли навстречу.

Первым министром иностранных дел Советской России стал Троцкий. Это была идея секретаря ЦК партии большевиков Якова Михайловича Свердлова.

– Льва Давидовича нужно противопоставить Европе, – сказал Свердлов. – Пусть берет иностранные дела.

Владимир Ильич Ленин, как и все большевики, ожидавший в самое ближайшее время мировой революции, недоуменно пожал плечами:

– Какие у нас теперь будут иностранные дела?

Но с предложением Свердлова согласился.

Главным внешнеполитическим вопросом для большевиков был выход из Первой мировой войны, в которой с лета 1914 года государствам Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Оттоманская империя) противостояли страны Антанты (Россия, Англия, Франция и многие другие).

Entente cordiale – «Сердечное согласие», так называлось

заключенное в 1904 году соглашение между Францией и Англией. Через три года к ним присоединилась Россия.

21 ноября 1917 года нарком Троцкий разослал послам принятый съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов декрет о мире и предложил немедленно объявить перемирие и начать переговоры об окончании войны с немцами, которая шла уже три года.

Для стран Антанты, воевавших вместе с Россией, предложение было неприемлемо. Они намеревались добить Германскую империю и ее союзников. Поэтому главы союзных миссий в Петрограде договорились не принимать предложение советской власти.

А 25 ноября в британском парламенте министр иностранных дел лорд Артур Бальфур от имени правительства его величества сделал официальное заявление: после падения Временного правительства в России нет власти, с которой можно иметь дело.

Тем не менее, пока в Брест-Литовске в марте 1918 года делегация Совнаркома не заключила сепаратный мир с немцами, иностранные миссии в Петрограде поддерживали видимость отношений с советской властью. Дипломаты приходили в наркомат Троцкого, надеясь убедить новую власть не мириться с кайзеровской Германией, а также не проводить национализацию иностранной собственности и не отказываться от своих обязательств по сделанным в Европе займам.

Но безуспешно. Выход России из войны был тяжким ударом для союзников. Считалось, что это продлит кровопролитные военные действия еще на два-три года…

«Вскоре после того, как разразилась революция, – вспоминал премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж, – тень огромной фигуры Ленина начала подниматься над горизонтом. Впервые она упала на покрытый зеленым сукном стол на Даунинг-стрит в виде донесения нашего посла Джорджа Бьюкенена».

В Лондоне отвергли рекомендации посла Бьюкенена о сближении с большевиками. Посол был информирован: «Правительство готово поддерживать любой ответственный орган власти в России, который активно выступит против большевиков, и будет финансировать в разумных пределах готовность таких органов помочь делу союзных держав».

Джорджу Бьюкенену приказали вернуться на родину. 7 января 1918 года британский посол покинул Россию.

16 января лорд Бальфур в Лондоне уточнил позицию правительства его величества:

– Мы не признали петроградские власти как правительство России де-юре и де-факто. Но мы ведем дела неофициально с помощью агента, действующего по инструкциям нашего посольства в Петрограде.

Из всех западных руководителей более других симпатизировал русской революции президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон, решительно поддержавший свержение

монархии. Ректор Принстонского университета, он оставил научное поприще ради политики. Его избрали губернатором штата Нью-Джерси, затем он нацелился на Белый дом. Идеалист по взглядам, 4 июля 1911 года Вудро Вильсон сказал:

– Патриотически настроенный американец только тогда воистину гордится своим флагом, под сенью которого он живет, когда этот флаг становится не только для него, но и для других символом надежды и свободы.

И для него эти слова не были красивой фразой, которые политики произносят на митингах. Он так думал.

Последний посол Российской империи в США Георгий Петрович Бахметев информировал свое министерство в Петрограде: «Г-н Вильсон в своем роде совершенно новый тип политического деятеля в Америке. Профессор, известный историк, бывший ректор университета, следовательно, человек вполне культурно образованный. Он проповедует крайне либеральные теории, они построены более на идеалах, нежели на практических основах, и пользуется славой честного и порядочного человека, еще не запятнанного грязью политических интриг».

Кстати, российского посла Бахметева не любили в Вашингтоне (см. «Новая и новейшая история», № 1/2000). Государственный секретарь США Роберт Лансинг, отвечавший за внешнюю политику страны, вспоминал: «В нем было что-то варварское. Его хладнокровный цинизм и равнодушие к ужасающему кровопролитию среди его соотечественников

на полях сражений и к лишениям простых людей империи поражали своим бессердечием и жестокостью. Его преданность царю и особам императорской крови была средневековой. Для него царь был Россией».

Еще будучи ученым, Вудро Вильсон называл царский режим в России «противоестественным». Его, в частности, поражало, что российские власти дискриминировали американских евреев – старались не выдавать им въездных виз. Российские консулы в США выясняли, не иудей ли проситель визы. 13 декабря 1911 года в знак протеста конгресс практически единогласно проголосовал за разрыв торгового договора с Россией, которая экспортировала тогда в Америку шкуры, кожу, шерсть, лен, пеньку, меха.

4 марта 1913 года Вудро Вильсон вступил в должность и стал двадцать восьмым президентом США. В 1916 году он добился переизбрания, причем исход голосования не был ясен до конца подсчета голосов. Его соперник Чарлз Эванс Юз лег спать, будучи уверен, что он избран президентом. Однако Калифорния удивила всех и отдала предпочтение Вильсону. Утром один корреспондент позвонил Чарлзу Юзу, чтобы взять интервью. Секретарь Юза высокомерно ответил:

– Президент почивает и не может соединиться с вами, пока не встанет с постели.

На это журналист резонно заметил:

– Ну, хорошо, когда он проснется, передайте ему, что он больше не президент.

Вудро Вильсон вел предвыборную кампанию, обещая нейтралитет в Первой мировой войне. В роли президента долго пытался помирить Антанту и страны Четверного союза. Даже когда воюющие державы отказались от его посредничества, когда немецкие лодки топили американские суда, когда его собственные министры были за войну, он выжидал.

Президент говорил конгрессу:

– Страшное дело отправить наш великий миролюбивый народ на войну, на самую страшную и разрушительную войну, когда под вопросом само существование цивилизации.

Но Вильсон все-таки решился вступить в войну, потому что немцы не оставили ему выбора. Он был уверен, что поступает правильно. Для сына пресвитерианского священника, который разделял глубокие религиозные убеждения отца, это было важно. В его представлении немцы были не просто не правы. Они были нечестивы. Вступление в Первую мировую он считал крестовым походом против преступной кайзеровской Германии – за справедливость, мир и цивилизованность. Он пришел к выводу, что на Германии лежит тяжкое бремя вины. Немцам придется ее искупить, но прежде они должны быть наказаны.

В отличие от глав Франции и Англии американский президент вполне доброжелательно наблюдал за революционными переменами в России. У Вильсона не было предубеждений против русской революции, потому что Соединенные Штаты тоже были созданы в результате своего рода револю-

ции.

Более того, свержение царизма в феврале 1917 года имело немалое значение для вступления США в Первую мировую. Теперь Вильсон мог уверенно говорить, что война стран Антанты против Германской империи и ее союзников на самом деле есть всемирное противостояние демократии деспотизму.

Англия и Франция медлили, пытаясь чего-то выторговать в отношениях с Петроградом, поэтому американское правительство первым признало Временное правительство. Государственный секретарь США Роберт Лансинг заявил:

– Надо поддерживать новое демократическое правительство России, которому мы должны сочувствовать. Если мы промедлим, ситуация может измениться, и можно упустить удачный момент, когда наша дружба послужит общей пользе.

Послом в Россию президент Вильсон отправил Дэвида Роланда Фрэнсиса, видного деятеля Демократической партии с большим послужным списком: мэр Сент-Луиса, губернатор штата Миссури, министр внутренних дел.

22 марта 1917 года посол Фрэнсис вручил первому главе Временного правительства князю Георгию Евгеньевичу Львову ноту: «В качестве аккредитованного в России американского посла и представителя властей Соединенных Штатов имею честь сим объявить об официальном признании Временного правительства всей России и заявить, что мне

доставляет официальное и личное удовольствие дальнейшее общение с Россией в лице нового правительства. Пусть сохраняются существующие между нашими странами сердечные отношения».

Но Фрэнсису не удалось полностью сконцентрироваться на российских делах. В Петрограде у него затеялась увлекательная интрижка с Матильдой де Крам, учившей его французскому языку. Недоброжелатели уверяли, что Матильда одновременно столь же близка с одним немецким шпионом, а ведь американский посол обсуждает с ней секретные телеграммы из Вашингтона. Государственный секретарь Лансинг потребовал от посла прервать отношения с учительницей французского. Обиженный и оскорбленный посол поклялся выяснить, кто на него нажаловался, и разобраться с обидчиками…

Историки задаются вопросом: а что бы произошло, если бы американский президент решительно поддержал Временное правительство материально и финансово, если бы отправил на помощь России свои вооруженные силы? Не позволило бы это предотвратить развал страны и вооруженных сил летом семнадцатого и октябрьский большевистский переворот?

К этому Вильсона призывал главный советник президента по международным делам полковник Эдвард Мэнделл Хауз: «Вы не думали об идее переброски части наших войск в Россию через Тихий океан? Они бы подкрепили силы русских.

Не думаю, что мы уделяем достаточно внимания ситуации в России».

2 апреля 1917 года, выступая в конгрессе, президент Вильсон говорил:

– Разве не чувствует каждый американец, что чудесные и радующие сердце события, происходящие в последние несколько недель в России, прибавили оснований нашим надеждам на будущий мир во всем мире? Самодержавие свергнуто, и русский народ во всем своем величии и мощи стал частью семьи народов, которые сражаются за свободу, за справедливость и мир.

Многие ожидали тогда, что Вильсон предпримет активные действия для укрепления новой российской власти. Президент же удовлетворился тем, что послал в Петроград осведомительную миссию для прояснения того, что же происходит в стране. Ее возглавил Илайя Рут, который в свое время был военным министром, Государственным секретарем и сенатором и даже удостоился в 1912 году Нобелевской премии мира. «Вильсон, – вспоминал Илайя Рут, – демонстрировал свои искренние симпатии российской революции». С ним поехали Джон Мотт из Международного комитета Ассоциации молодых христиан, помогавшей военнопленным в России, предприниматель Сайрус Маккормик, которому в России принадлежал завод, социалист Чарлз Рассел и один из лидеров Американской федерации труда Джеймс Дункан.

14 июля 1917 года делегация прибыла из Владивостока в Петроград, раздираемый ожесточенной политической борьбой. «Мы опоздали, – констатировал Илайя Рут. – Колоссальный для американского народа шанс ускользнул, прежде чем мы успели за него ухватиться».

Член правительственной миссии генерал-майор Хью Л. Скотт докладывал своему начальнику – военному министру США: «Мы нашли дела в весьма дурном состоянии; солдаты бегут с фронта, среди оставшихся на фронте нет никакой дисциплины, армию захватили митинговые страсти, на офицеров не обращают почти никакого внимания».

Когда вспыхнула мировая война, еще в сентябре 1914 года, страны Антанты, включая Россию, подписали Лондонский договор, обязавшись не заключать сепаратного договора с общим врагом. Теперь, приехав в Петроград, американский посланник тоже отговаривал русских политиков от сепаратного мира с Германией. Он формулировал свою мысль очень просто:

– Не будете воевать, не будет займов.

Президент Вильсон был готов помогать России лишь в том случае, если она продолжит войну. До ноября 1917 года Временному правительству выделили кредитов на триста двадцать пять миллионов долларов, но в Петрограде успели израсходовать только сто восемьдесят семь миллионов.

Поездка разочаровала Илайю Рута. Он телеграфировал из Петрограда госсекретарю Лансингу: «Передайте, пожалуй-

ста, президенту, что мы столкнулись здесь с классом, насчитывающим сто семьдесят миллионов приготовишек, еще только учащихся быть свободными и нуждающихся в учебных пособиях детсадовского уровня. Они искренни, добры и порядочны, но охвачены смятением и ослеплены».

Не все были так пессимистичны.

Глава американской военной миссии и военный атташе посольства бригадный генерал Уильям В. Джадсон обращал внимание на то, что даже сейчас, после революции и фактического развала армии, Россия все еще сдерживает 126 немецких дивизий. Поэтому ей необходимо помогать.

Представители союзников опасались, что немецкие подводные лодки будут хозяйничать в Балтике, а сухопутные войска кайзера с помощью финнов перережут дорогу на юг из Архангельска. Тогда Россия в любом случае лишится помощи со стороны союзников. Оставался единственный надежный маршрут доставки всего необходимого для российской армии – великая Транссибирская железная дорога. Вот почему во Владивостоке сосредоточили большие запасы оружия, боеприпасов и снаряжения. Но все это нужно было еще доставить с востока страны на запад, в распоряжение действующей армии.

Американцы убедились, что Россия остро нуждается в локомотивах и подвижном составе, а также аэропланах. Не хватало и железнодорожников. Джон Ф. Стивенс, бывший главный инженер проекта Панамского канала, отправился в Рос-

сию, чтобы помочь модернизировать Транссибирскую железную дорогу.

Инженер Стивенс потребовал срочно поставить России две с половиной тысячи локомотивов, сорок тысяч грузовых вагонов, переслать из Панамы оборудование, в том числе подъемные краны, а также сотни железнодорожников. Первая группа – триста пятьдесят железнодорожников – двинулась во Владивосток из Сан-Франциско 18 ноября 1917 года, через десять дней после большевистской революции. Во Владивосток они попали 14 декабря. Но было слишком поздно – Временное правительство, которому собирались помогать, исчезло. Через три дня американских железнодорожников эвакуировали в Японию… Но в реальности ни военный заем, ни новые локомотивы, ни американский экспедиционный корпус в ту пору уже не заставили бы российскую армию сражаться с немцами. Большевики взяли власть и получили поддержку солдатских масс, обещав немедленный мир.

8 ноября 1917 года Государственный секретарь Лансинг записал в дневнике: «В телеграмме Ассошиэйтед Пресс из Петрограда сообщается, что большевики свергли правительство».

Вудро Вильсон собрал в Белом доме кабинет, сообщив министрам:

– Пока преждевременно говорить о крахе России. Надо ждать.

Президент отправился играть в гольф. На следующий

день посетил церковь. Он не знал, как оценить драматические события в России.

«Россия, подобно Франции в прошлом столетии, – писал он 13 ноября 1917 года, – вне всякого сомнения перейдет глубокие воды и выберется на твердую землю на другом берегу, и ее великий народ займет достойное место в мире».

Но на съезде Американской федерации труда президент Соединенных Штатов назвал руководителей большевистского переворота «пустыми фантазерами», если они думают, что смогут спокойно жить рядом с могущественной Германией, способной «в любой момент интригами или силой их скинуть».

Конгрессмену Фрэнку Кларку президент заметил:

– России суждено пройти через суровые испытания, но она выстоит.

Посол Дэвид Фрэнсис 17 декабря 1917 года сообщал из Петрограда Государственному секретарю Роберту Лансингу: «Вчера не телеграфировал, потому что впервые стал чувствовать отчаяние и негодование по поводу того, что Россия позволила большевикам оставаться у власти в течение шести недель».

Фрэнсис дал Вашингтону неожиданный совет – признать все правительства, образовавшие на территории России: Совет народных комиссаров (Петроград и Москва), правительство Финляндии, Центральную раду (Украина); правительство области войска Донского, Северное правительство в

Архангельске… Иначе говоря, смириться с тем, что единой России больше нет, и иметь дело с теми, у кого руках реальная власть. Экстравагантное предложение посла в Вашингтоне не приняли.

Ключевую роль в отношениях с большевиками сыграл руководитель представительства Американского Красного Креста Рэймонд Робинс. Приехав в Россию, он нанял переводчиком Александра Семеновича Гумберга, российского подданного, который в 1903 году эмигрировал в США и стал американским гражданином, а в 1917-м вернулся в Россию. Гумберг был знаком с Троцким, и 10 ноября нарком по иностранным делам принял Робинса.

Разговор произвел впечатление на американца. Представитель Красного Креста восхищался советским наркомом на свой лад: «Величайший еврей после Иисуса Христа. Если германский Генеральный штаб купил Троцкого, то им достался фрукт, от которого сводит скулы». Так Робинс пытался объяснить чиновникам в Вашингтоне: большевики – вовсе не германские агенты; если немцы и полагали, что купили большевиков, то их здорово надули.

Рэймонд Робинс и военный атташе генерал Джадсон первыми осознали, что большевики – серьезная сила и с ними надо ладить. Предлагали если и не признавать формально Совет народных комиссаров, то в любом случае налаживать практические отношения с большевиками. Помешать сепаратному миру с немцами едва ли удастся. Но следует прово-

дить тонкую политику, а не толкать Россию в объятия Берлина, иначе кайзер Вильгельм еще и получит доступ к российским ресурсам и сырью.

Генерал Джадсон уговаривал наркома Троцкого добиться от немцев обещания не перебрасывать немецкие войска с Восточного фронта на Западный. 1 декабря – накануне переговоров в Брест-Литовске – генерал Джадсон сорок минут беседовал с Троцким. Лев Давидович вел себя вполне доброжелательно и не отвергал слова американца с порога. Троцкий подробно рассказал о планах советского правительства и согласился, что долг России – не позволить Германии, воспользовавшись перемирием на Восточном фронте, перебросить войска на Запад и не спешить с обменом пленными.

«Определенный макиавеллизм был присущ Ленину, как всякому политику, – отмечал профессор Виталий Иванович Старцев. – В первые месяцы Советской власти, ставя себе главной целью достижение мира с Германией, Ленин в то же время не порывал сразу же и с союзными представителями, затрудняя им выработку ясной политики и необходимость разрыва с Советской Россией… В брестских переговорах непременным условием с советской стороны было обещание немцев не перебрасывать войска на Западный фронт».

Несанкционированный Вашингтоном визит к Троцкому дорого обошелся американскому генералу. 1 января 1918 года Уильям Джадсон был отозван из России. Но Соединенные Штаты еще не решили, как относиться к большевикам.

Вудро Вильсон не желал способствовать распаду России. Только полагал, что населенные поляками территории должны отойти к Польше. Но возражал против независимости Украины, не хотел признавать самостоятельность Прибалтийских государств. Повторял:

– Пусть русский народ выберет такое правительство, которое ему нравится. Это правительство Соединенные Штаты и признают.

Президент, правда, добавлял, что хотел бы, чтобы это не были большевики.

Внешнеполитическая программа большевиков соответствовала его идеям: мир без аннексий и контрибуций, равноправие всех стран и самоопределение всех народов. Но сначала надо разгромить Германию!

– Мое сердце с ними, но мой ум – против них, – говорил Вильсон. – Я хочу мира, и я знаю, как его достичь, а они – нет.

8 января 1918 года на объединенной сессии палат конгресса США президент Вудро Вильсон огласил свои знаменитые «Четырнадцать пунктов» – программу мирного урегулирования. Он неожиданно поддержал мирные переговоры в Брест-Литовске и вообще дипломатию большевиков (см. «Новая и новейшая история», № 1/2000). Вильсон говорил, что Россия вправе «принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики».

А на переговорах в Брест-Литовске нарком Троцкий отверг грабительские условия мирного соглашения, выдвинутые немцами:

– Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ.

Вильсон выразил понимание мотивов российской делегации, прервавшей в Брест-Литовске переговоры в знак протеста против территориальных требований Германии:

– Это голос русского народа. Он повержен и почти беспомощен, как может показаться, перед лицом беспощадной мощи Германии, не знавшей доселе ни снисхождения, ни жалости. По всей видимости, сила русского народа сломлена. Однако его душа протестует против рабства. Он не уступит ни в принципах, ни в поступках. О том, что он вкладывает в понятия справедливости, гуманности и чести, заявлено откровенно, с широким взглядом на вещи, с душевной щедростью и всеобщим человеческим состраданием, заслуживающими восхищения всех друзей человечества. И он отказался принести в жертву свои идеалы и покинуть других, чтобы обеспечить свою безопасность. Поверят в это или нет нынешние российские лидеры, но мы от души стремимся и надеемся найти тот путь, с помощью которого нам будет оказана честь помочь России добиться сокровенной надежды на свободу и справедливый мир.

Государственный секретарь США отправил по телеграфу

полный текст президентской речи в Петроград послу Фрэнсису. На следующий день Рэймонд Робинс и Эдгар Сиссон, представитель американского Комитета общественной информации (он должен был пропагандировать политику президента), вручили его Ленину.

Владимир Ильич высоко оценил речь президента:

– Это огромный шаг к миру во всем мире!

«Ничто в моем недоверии к Ленину не уменьшилось, хотя мое уважение к его способностям возросло, – вспоминал этот разговор Эдгар Сиссон. – Эффект, произведенный им на Робинса, был совершенно другим. В нем был зажжен некий огонь. Робинс мог обсудить с Лениным свои планы распределения продовольствия. Ленин был внимательным и охотно соглашался. Я запомнил ленинскую фразу: «И тем не менее меня называют германским шпионом!» Я могу представить себе то горькое чувство, которое владело сердцем такого человека, как Ленин…»

Большевикам речь американского президента очень понравилась. Она была опубликована в газете «Известия», официальном органе советской власти. Сиссон получил разрешение напечатать листовки с текстом выступления Вильсона большим тиражом и распространить по стране. Порадовал Вашингтон: «Утром речь президента расклеена на стенах Петрограда».

Редакция «Известий» отмечала: «Условия, выдвинутые президентом Вильсоном, представляют собой огромную по-

беду в великой борьбе за демократический мир, и мы можем надеяться на то, что найдем в американском народе верного союзника в этой борьбе».

Президент Вильсон обратился с приветствием к IV чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов:

– Народ Соединенных Штатов всем сердцем с народом России, стремящимся навсегда освободиться от власти самодержавия и стать хозяином собственной жизни.

Американский президент поддержал русский народ, который пытается «навсегда освободиться от власти авторитарного правительства и стать хозяином собственной жизни». Вильсон обещал, что правительство США «использует все возможности, чтобы гарантировать России восстановление полного суверенитета и независимости во внутренних делах, а также полное восстановление ее огромной роли в жизни Европы и современного мира».

Северный десант

Когда после провала мирных переговоров в Брест-Литовске немецкие части начали наступление, западные державы опасались, что кайзеровская армия, которая двинулась в глубь России, захватит ее сырьевые запасы и стратегически важные порты (Архангельск, Мурманск, Севастополь, Одессу, Баку, Владивосток).

Французы и англичане предложили Советской России военную помощь. Часть советских наркомов возражала против любых соглашений с империалистами. Троцкий считал, что, если предлагают помощь, надо этим воспользоваться. Ленин с присущим ему предельным цинизмом сформулировал решение: уполномочить тов. Троцкого принять помощь разбойников французского империализма против немецких разбойников.

3 марта 1918 года советская делегация все-таки подписала договор с Четверным союзом. Но удастся ли его ратифицировать? Все висело на волоске. Многие большевики не принимали «похабного мира» с немцами. Левые эсеры, партнеры большевиков по правительственной коалиции, были категорически против.

5 марта нарком Троцкий поинтересовался у Рэймонда Робинса: если договор не будет ратифицирован и не вступит в силу и придется продолжать войну, можно ли рассчитывать

на помощь союзников?

Союзники особенно боялись за запасы своего имущества в Мурманске и Архангельске. Там находились боеприпасы, артиллерийские снаряды, автомобили, обмундирование. Все это могло попасть в руки немцев. Решили отправить войска в Мурманск, чтобы охранять находящееся там военное имущество и заодно граждан стран Антанты.

Мурманский совет рабочих и солдатских депутатов, среди депутатов которого было много эсеров и меньшевиков, 1 марта запросил Совнарком, как обороняться от наступающих немцев и белофиннов: «в каких формах может быть приемлема помощь живой и материальной силой» от союзных держав?

Троцкий ответил: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий. Ваш долг сделать все для охраны Мурманского пути».

2 марта 1918 года председатель Мурманского совета Алексей Михайлович Юрьев, бывший кочегар парохода «Вологда», договорился с англичанами и французами о совместной обороне края. Специально оговаривалось: «Англичане и французы не вмешиваются во внутреннее управление… Союзники принимают на себя заботу о снабжении края необходимыми запасами».

6 марта в Мурманский порт вошел британский крейсер «Глори» и высадил десант.

10 апреля Юрьев по прямому проводу обратился к Ле-

нину: «Ваши слова: «советуем принять помощь англичан» – значит ли принять военную помощь англичан и французов? Мы понимаем, что, быть может, этого вы официально сказать не можете. Тогда возьмем на себя и сделаем сами. Но необходимо нам здесь быть уверенными, что наши действия не идут вразрез с вашими планами. Точное выражение вашего одобрения будет держаться в секрете».

Ответ гласил: «Помощь принять. Комбинация должна носить абсолютно неофициальный характер. Дело относим как бы к разряду военных тайн».

Сталин еще от себя передал Юрьеву:

– Действуйте абсолютно секретно и более или менее автономно.

2 мая Ленин в своей манере распорядился: «Официально протестуйте против их нахождения на советской территории, неофициально – получайте от них продукты и военную помощь против финно-германцев».

3 июня 1918 года Высший военный совет Антанты принял декларацию № 31 «Интервенция союзников в российских портах» – о высадке в Мурманске и Архангельске. Представители Антанты подписали 6 июля с Мурманским краевым советом «Временное по особым обстоятельством соглашение»: вся власть в крае передавалась союзникам, которые брали на себя среди прочего оказание продовольственной помощи населению.

Но Брест-Литовский договор – после долгих политиче-

ских баталий – все-таки был ратифицирован 15 марта в Москве и 26 марта в Берлине. Первая мировая война для России закончилась. Но германские войска оставались на Украине и Кавказе (в надежде добраться до бакинских вышек), в Прибалтике и Белоруссии в качестве оккупационной армии.

А через неделю началось немецкое наступление на Западе. Страны Антанты считали, что их солдаты умирают по вине большевиков, предавших товарищей по оружию. В Лондоне собрались главы правительств и министры иностранных дел Великобритании, Франции и Италии. Договорились не признавать Брестский мир. Считать врагом всю Россию, недавнего союзника, вместе с которым столько лет воевали против общего противника, – не могли. Но большевики воспринимались как подручные германцев.

И в Москве настроения решительно переменились. Сов нарком требовал заставить союзников уйти.

Но Юрьев 14 июня телеграфировал: «Противосоюзническая политика краесовета невозможна. Заставить союзников уйти невозможно. Военная сила неоспоримо на их стороне».

26 июня, разговаривая с председателем Мурманского краевого совета, Ленин зло его отчитал:

– Если вам до сих пор неугодно понять советской политики, равно враждебной и англичанам, и немцам, то пеняйте на себя. С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа.

Но Мурманский совет 30 июня принял решение «действовать в дружеском контакте с союзниками». 2 июля «Известия ВЦИК» оповестили, что председатель совета Юрьев «объявляется врагом народа и становится вне закона».

Это был поворотный момент в истории.

Именно тогда возникло противостояние западного мира и Советской России по принципиальным морально-политическим вопросам. Представители нейтральных государств вручили сменившему Троцкого на посту наркома по иностранным делам Георгию Васильевичу Чичерину ноту с протестом против «красного террора». Это была лишь первая ласточка.

Ответная нота наркома появилась в «Известиях». В ней говорилось, что «во всем капиталистическом мире господствует режим «белого террора» против рабочего класса», поэтому «никакие лицемерные протесты и просьбы не удержат руку, которая будет карать тех, кто поднимает оружие против рабочих и беднейших крестьян России».

Еще 26 февраля 1918 года дипломатический корпус из Петрограда перебрался в более безопасную и менее голодную Вологду. По существу это был окончательный разрыв с советской властью. Большевики пытались убедить послов вернуться в столицу. Чичерин отправил в Вологду приглашающую телеграмму, гарантируя иностранцам в Москве полную безопасность.

Дуайен дипломатического корпуса американский посол Дэвид Фрэнсис ответил наркому: «Спасибо за Вашу теле-

грамму. Мы признательны за Ваш неизменный интерес к нашей личной безопасности и решили последовать Вашему совету и покинуть Вологду».

Но дипломаты поехали не в Москву, а в Архангельск – под охрану высадившихся там частей Антанты. Нарком Чичерин в свою очередь заявил, что по условиям военного времени пребывание иностранных дипломатов на севере невозможно, поэтому «Архангельск может быть рассматриваем только как этап для отъезда из России».

Так и произошло. Страны Антанты прервали торговлю с Россией и к лету 1918 года отозвали свои миссии. 23 октября 1918 года уехал американский посол Фрэнсис – его ждали врачи, чтобы сделать операцию. На территории Советской России оставались только британская и французская миссии. Да и они в сентябре следующего года покинули Архангельск вместе с уходящими войсками союзников.

Дипломатической работы у большевиков в Москве тогда было не много. Признали Советскую Россию только страны Четверного союза – Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария, которым позарез был нужен мир. Но полноценное посольство в Москве имелось только одно – немецкое. Соответственно советское полпредство открылось в Берлине, полуофициальные представительства существовали в Лондоне, Стокгольме и Берне.

Кайзеровское правительство – единственное в мире – признало советскую власть и, более того, предлагало воен-

ное сотрудничество – против белой армии и войск Антанты, высадившихся на территории России.

Ненависти к Германии советское руководство не питало. Напротив, искало тесного союза. 2 августа 1918 года немецкого представителя в Москве Гельфериха принял нарком Чичерин (см. «Российская история», № 5/2012).

Карл Гельферих был директором Немецкого банка, с февраля 1915 года служил статс-секретарем в министерстве финансов, затем в министерстве внутренних дел – до ноября 1917 года. Он приехал в Москву, чтобы сменить убитого левыми эсерами посла графа Вильгельма Мирбаха.

Георгий Васильевич Чичерин официально попросил правительство Германии выступить против англичан в Мурманске, не помогать казачьему генералу Краснову на Дону и, напротив, нанести удар по белой армии генерала Алексеева на Юге России.

Гельферих сообщил в Берлин: «Это заявление означало, что Советское правительство, чтобы защитить Москву, вынуждено просить нас о прикрытии Петербурга». Немецкий посланник не считал нужным оказывать военную помощь большевикам, полагал, что они обречены.

19 августа 1918 года Гельферих писал канцлеру Германии Гертлингу:

«Власть большевиков с самого начала была властью меньшинства. Ни в старой Думе, ни в новом Учредительном собрании, которое они позволили избрать, но которому не да-

ли возможности работать, большевики не располагали большинством… Большевистское господство стало возможным из-за инертности и раздробленности небольшевистской России. Оно держится только благодаря беспощадному террору… Все более невыносимое господство страха всколыхнет даже самых равнодушных и робких…

Признаков того, что власть большевиков на грани падения, в последнее время стало все больше. Военные, которые необходимы большевикам для сохранения власти, начинают колебаться. Красная гвардия сильно деморализована. Ее части воюют плохо, переходят на сторону противника, дезертируют. Против казаков (Краснова, Алексеева, Дутова) большевики бессильны… Россия сегодня полностью отрезана от зерна Сибири и Кубани, от донбасского угля и бакинской нефти.

О безнадежности военного положения большевиков свидетельствует предложение, которое от имени своего правительства сделал Чичерин. Он предложил Германии сотрудничать не только в борьбе против общего врага – англичан на севере, но и против Алексеева на юго-востоке, то есть выступить на стороне большевиков в гражданской войне в России…»

Кое-кого из принципиальных большевиков откровенное сближение с Германией смутило, например Вацлава Воровского, который состоял советским представителем в Швеции. Ленин успокоил его короткой запиской: «Помощи» ни-

кто не просил у немцев, а договорились о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск и Алексеева. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами».

Самого Воровского вскоре выслали из Стокгольма. Такая же участь постигла и остальных немногих представителей советской власти за границей. Яна Антоновича Берзина (будущего полпреда в Финляндии и Австрии) выставили из Швейцарии, Якова Захаровича Сурица (будущего полпреда во Франции) – из Копенгагена. Это означало полную дипломатическую изоляцию Советской России, констатирует доктор исторических наук Нина Евгеньевна Быстрова.

Но Германия не выдержала четырехлетней войны. Как в России, абсолютистский режим рухнул. Движущей силой были разочарованные люди в военной форме. Первыми восстали моряки на базе в Киле.

В Москве ожидали революционных перемен в Германии. Правда, советский представитель в Берлине Адольф Абрамович Иоффе не верил в скорую революцию. 5 сентября 1918 года писал Ленину о левых немецких социалистах: «Вы напрасно думаете, что я жалею денег. Я даю им сколько нужно и постоянно настаиваю, чтобы брали больше. Но ничего не поделаешь, если все немцы так безнадежны: к нелегальной работе и в нашем смысле революционной они просто неспособны, ибо большей частью они политические обыватели, которые пристраиваются так, чтобы избавиться от во-

енной службы, цепко держатся за это, а революцию делают только языком за кружкой пива».

18 октября Ленин писал полпреду в Берлин: «Значит, выбора нет. Давайте всеми силами ускорять революцию в Германии». Эти слова в советское время никогда не публиковали. Советские руководители были охвачены идеей экспорта революции. Только что созданную Красную армию собирались развернуть на Запад.

«Не минует и полгода, как наши люди будут во главе движения во всех столицах Европы, – доказывал товарищам член ЦК партии Карл Радек. – Пока европейское движение не будет иметь собственного опыта, мы ему дадим офицеров. Вы не имеете понятия, какое настроение здесь в народных массах. Масса чувствует своим инстинктом революцию, как коршун падаль».

1 октября 1918 года Ленин писал Свердлову и Троцкому: «Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции».

3 октября в Берлине сформировали новое правительство из социал-демократов и либералов. Канцлером стал принц Макс Баденский, либерально настроенный аристократ.

В тот же день состоялось совместное заседание ВЦИК и Моссовета. Главный орган партии большевиков газета «Правда» сообщала: «Как некогда в Смольном заседал штаб революции, так ныне в Большом театре заседал штаб авангарда европейской революции, готовый на бой с вооружен-

ным до зубов мировым империализмом во имя осуществления тех же октябрьских идеалов, но уже в мировом масштабе. Т. Ленин предлагает на всяком большом элеваторе (зернохранилище) создать особый фонд, запас, предназначенный для питания германских рабочих. Мы двинем его в Германию на другой день после революции».

9 ноября 1918 года страну охватила всеобщая забастовка, в Берлине начались массовые демонстрации.

«Наступил день, которого Маркс и его друг Энгельс страстно ждали всю свою жизнь, – писал современник. – В столицу империи боевым строем вступает революция. Твердой, ритмической поступью рабочие батальоны из Шпандау и пролетарских окраин на севере и востоке Берлина движутся к центру города, твердыне императорской власти. За ними десятки тысяч. Они идут и идут».

Кайзер Вильгельм II ночью тайно бежал в Голландию. Берлинский совет рабочих и крестьянских депутатов передал власть временному правительству, главой которого стал лидер социал-демократов Фридрих Эберт.

Перед Берлинским дворцом выступил лидер левых социал-демократов Карл Либкнехт:

– День революции наступил! Мы добились мира. Мы должны напрячь все силы, чтобы образовать правительство рабочих и солдат и создать новый государственный строй пролетариата, строй мира, счастья и свободы.

Но ноябрьская революция в Германии не была социали-

стической, это была буржуазная революция, и радикализм Карла Либкнехта, возглавившего компартию, не соответствовал представлениям и желаниям большинства немцев.

По призыву коммунистической партии, образованной из «Союза Спартака», сотни тысяч берлинских рабочих 5 января 1919 года вышли на улицы. Вечером они объявили социал-демократическое правительство низложенным. Красную армию должен был возглавить Карл Либкнехт. Но войска пустили в ход артиллерию и овладели Берлином. Вождей революции Розу Люксембург и Карла Либкнехта убили. Смерть двух пламенных политиков была тяжелым ударом для только что созданной компартии Германии и ознаменовала конец восстания.

В столице Баварии власть перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов. Главой Баварии стал Курт Эйснер, лидер независимых социал-демократов, бескорыстный и честный человек. Это был интеллигент маленького роста, в очках в металлической оправе и с бородой, по профессии музыкальный критик.

Но партия Эйснера 12 января 1919 года проиграла выборы в Национальное собрание Баварии. Эйснер вовсе не был большевиком, каким его изображали. Потерпев поражение на выборах, он решил подать в отставку с поста главы земельного правительства. 21 февраля, когда он направлялся в ландтаг, чтобы объявить об этом, его прямо на улице выстрелом в голову убил молодой офицер рейхсвера граф Ар-

ко цу Валлей.

Ответом на убийство Курта Эйснера стал приход к власти в Мюнхене крайне левых, коммунистов и анархистов. Совет рабочих и солдатских депутатов 7 апреля провозгласил Баварию советской республикой. Под председательством бывшего эсера Евгения Левинэ, родившегося в России (он перебрался в Германию в 1908 году), коммунисты образовали Комитет действия из пятнадцати человек. Вот комитет Левинэ действовал по-большевистски, расстреливал «врагов революции» и сильно напугал баварцев.

В апреле 1919 года двадцать тысяч человек – федеральные силы, войска из Вюртемберга, баварский добровольческий корпус полковника Франца Риттера фон Эппа и добровольческий корпус «Оберланд» – начали наступление и 1 мая взяли Мюнхен. Они буквально раздавили баварских революционеров.

Евгения Левинэ «добровольцы» расстреляли без суда. Он умер со словами:

– Да здравствует мировая революция! Мы, коммунисты, сильнее смерти!

Красные флаги исчезли. Бавария вошла в состав республики, образованной Национальным собранием в Веймаре в феврале 1919 года.

Немецкая революция была довольно легко подавлена. Она началась спонтанно, как и в нашей стране, но в Германии не нашлось хорошо организованной и популярной партии,

способной ее возглавить.

Российские историки отмечают, что в Германии многое было достигнуто и до революции. Это в России не было ни средневековых цехов, ни свободных городов, ни сильных традиций писаного права, ни парламентаризма. И массовое сознание не было готово к более или менее органическому восприятию капиталистических ценностей. Поэтому болезненный процесс модернизации протекал в России особенно сложно и вылился в тоталитарный режим…

Профессор Московского университета видный историк Юрий Владимирович Готье записывал тогда в дневнике:

«Все то же напряженное ожидание чего-то, и все тот же мрак, нас окружающий. Сопоставляя все военные известия, я теперь убедился, что большевики врут жестоко. Они врут, скрывают и извращают, как никогда этого не делало ни одно правительство; точно так же они врут и в своих сообщениях из-за границы. Ни в Германии, ни в остальной Европе дела вовсе не идут так, как бы им хотелось…

Узнал, что иностранцы продолжают уезжать; теперь черед за бельгийцами. Процесс превращения Совдепии в страну, лишенную всякого общения с цивилизованным миром, идет неуклонно: страна вне закона – вот во что превращается Россия…»

Зачем Антанта вмешалась?

«Союзники считали, что без поддержки Германии правление большевиков в России окажется недолговечным, – пишет профессор Гарвардского университета Ричард Пайпс («Вопросы истории», № 2/2009). – Так что большевики волновали их меньше, чем подготовка немцев к весеннему наступлению во Франции. Союзники отчаянно хотели заставить своего врага перебросить силы с Западного фронта на Восточный».

2 марта 1918 года с согласия председателя Мурманского совета Алексея Юрьева в городе появились войска союзников. В июле они высадились в Кеми, на Соловках и в Онеге. В Архангельской губернии тоже желали высадки союзников, потому что быстро разочаровались в большевиках. Нехватка хлеба и мобилизация в Красную армию в июле 1918 года не радовали. Крестьяне бунтовали против мобилизации, наотрез отказывались идти в Красную армию. Говорили большевикам: вы обещали хлеба и мира, и где они?

Союзники обосновали свою высадку так: они хотят помешать немцам устроить свои базы на севере России, взять под охрану поставленное ими военное имущество и помочь русским людям восстановить порядок. Инициаторами высадки были англичане и французы.

Высадились первоначально всего полторы тысячи солдат

из числа союзных войск. К ним присоединились офицерские отряды – несколько сот добровольцев. Хватило и этих сравнительно небольших сил. Архангельские большевики объявили город на военном положении. Но 1 августа союзники взяли укрепления на острове Мудьюг в Двинской губе Белого моря. Вечером советские чиновники стали покидать Архангельск.

2 августа 1918 года противники большевиков создали свое правительство – Верховное управление Северной области. Его возглавил известный в стране общественный деятель Николай Васильевич Чайковский. Ему было шестьдесят семь лет.

Дворянин, выпускник физико-математического факультета Петербургского университета, он был по своим взглядам народником. Осенью 1874 года эмигрировал в Америку, работал на судоверфи и на сахарном заводе. В штате Канзас организовал колонию, участники которой исповедовали религиозно-коммунистическое учение. Через несколько лет перебрался в Лондон, вступил в партию эсеров и вернулся в Россию. И утратил интерес к политике. Но после Февральской революции вошел в ЦК Трудовой народно-социалистической партии. В Вятской губернии его избрали депутатом Учредительного собрания.

4 сентября 1918 года на Русский Север прибыли и американские войска. Чайковский обратился к президенту Вильсону с просьбой прислать дополнительные части, чтобы под-

держать борьбу против большевиков. Общая численность американцев на Русском Севере составила пять тысяч семьсот солдат и офицеров.

Командующим войсками союзников назначили генерал-майора Фредерика К. Пула, британского военного представителя в России. Он ввел в Архангельске комендантский час, запретил митинги и собрания без его санкции. Белое правительство протестовало. Чайковский пригрозил:

– Если союзники будут и впредь игнорировать наши полномочия, есть один выход – оставить Архангельск и сделать попытку опереться на население в другом месте, на Урале, в Сибири и там попытаться создать общегосударственную власть.

Социалистическое правительство Чайковского обещало политику «средней линии», «третьего пути»: без крайностей большевизма, но и без военной диктатуры. Эсеры и интеллигенция его поддержали. Правые партии, офицерство, церковь были против. Военные организовали переворот, и министры Чайковского оказались на Соловецких островах. 9 октября появилось Временное правительство Северной области – в него вошли кадеты и правые.

А в январе 1919 года адмирал Александр Васильевич Колчак на правах верховного правителя России и формального главы всего Белого движения в стране упразднил местное правительство и назначил губернатором Северной области и командующим Северной добровольческой армией ге-

нерал-лейтенанта Миллера.

Евгений Карлович Миллер, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, накануне Первой мировой был начальником штаба Московского военного округа. В войну начальником штаба 12-й армии, 5-й армии, командовал 26-м армейским корпусом. Он управлял краем твердой рукой.

На Севере России противники советской власти совершили те же ошибки, что и Белое движение в целом. Они пытались противопоставить диктатуре большевиков свою диктатуру и переусердствовали по части жестокости, оттолкнув от себя население.

Офицеры контрразведки арестовывали крестьян, избивали, издевались над арестованными. Возмущенный происходящим председатель Архангельской губернской земской управы описывал генералу Миллеру, как действуют его подчиненные: «Помещение военного контроля. Допрос нескольких солдат, допрашивают офицеры военно-регистрационной службы. Требуют назвать определенные фамилии. Солдаты не знают. Ругань. Беспощадное битье… Окровавленных и истерзанных, одних выводят, других вытаскивают».

Уже после окончания Гражданской войны, в Париже, Владимир Иванович Игнатьев, тоже народный социалист и управлявший отделом внутренних дел в правительстве Чайковского, писал бывшему премьеру:

«Вспомните, Николай Васильевич, хотя бы наш север, Ар-

хангельск, где мы строили власть, где мы правили! И вы, и я были противниками казней, жестокостей, но разве их не было? Разве без нашего ведома на фронтах (например, на Пинежском и Печоре) не творились военщиной ужасы, не заполнялись проруби живыми людьми? Да, мы этого, к сожалению, в свое время не знали, но это было, и не падает ли на нас, как на членов правительства, тень за эти злодеяния?

Вспомните тюрьму на острове Мудьюг, в Белом море, основанную союзниками, где содержались «военнопленные», то есть все, кто подозревался союзной военной властью в сочувствии большевикам. В этой тюрьме начальство – комендант и его помощник – были офицеры французского командования, и что там, оказывается, творилось? Тридцать процентов смертей арестованных за пять месяцев от цинги и тифа. Держали арестованных впроголодь, избиения, холодный карцер в погребе и мерзлой земле…»

Такая власть не могла пользоваться народной поддержкой. 20 июля 1919 года взбунтовался 5-й пехотный полк белой армии в Чекуеве. Это помогло красным взять город Онега. Архангельск оказался под угрозой. Начали бунтовать 6-й и 7-й пехотные полки. Осенью 1919 года союзники приступили к эвакуации. Первыми уехали французы, итальянцы, сербы и американцы (их потери на Севере России составили пятьсот человек). В октябре 1919 года ушли англичане – последними.

Капитан Х. С. Мартин писал главе военной миссии США

полковнику Дж. Раглсу: «Я верил тогда и верю сейчас, что мощное содействие союзников Северной России могло спасти ситуацию. Люди на Русском Севере ожидали от союзников спасения и в то же время ждали помощи в создании ядра боеспособной армии для борьбы с большевизмом».

Почему же не получилось? Экспедиционный корпус был слишком маленьким. Союзники плохо сотрудничали между собой и с Белым движением: «Правда состояла в том, что мы вели войну с большевизмом. Все это знали. Тем не менее ни одно правительство союзной страны не обозначило такой цели интервенции».

Офицеры Антанты рассматривали высадку как операцию против главного врага – Германии, поэтому и руководили военными операциями. Но белые офицеры обижались, не желали подчиняться иностранцам. Еще больше они боялись предстать перед местным населением в роли марионеток. Поговаривали, что англичане намерены превратить Русский Север в колонию.

Участники и историки войны на Севере сильно преувеличивали роль интервенции, считает Людмила Геннадьевна Новикова (см. «Отечественная история», № 4/2007):

«Идеология Белого движения, консолидировавшегося на основе патриотических лозунгов освобождения страны от «позорного Брестского мира и предателей Родины – большевиков», включала в себя значительную дозу российского имперского национализма. Белые испытывали панический

страх перед перспективой оказаться такими марионетками. Они пытались всемерно ограничить союзное вмешательство во внутрироссийский конфликт и противопоставить себя интервентам. Это внутреннее противодействие интервенции со стороны белой политической и военной элиты отчасти способствовало прекращению союзной помощи Белому движению…

Союзная военная помощь и материальные поставки были существенны, но они оказались недостаточны, чтобы решающим образом изменить положение на фронте. В то же время интервенция внесла смятение в ряды белого руководства и породила многие внутренние конфликты, которые способствовали ослаблению белых сил».

Примерно те же самые настроения подметил писатель Всеволод Николаевич Иванов, служивший в Омске в пресс-службе адмирала Колчака: «Все чаще и чаще стали подходить эшелоны с английским типичным серо-зеленым обмундированием с широкими фуражками штатского образца, с лямками через плечо, поддерживавшими подсумки с патронами, с короткими шинелями, с ботинками либо с гетрами, либо с обмотками… И эти с чужого плеча обноски так намозолили глаза, что сибиряки стали колчаковцев принимать за иностранцев. И какая агитация могла бы заставить замолчать Москву, что Англия посылает в Сибирь свои войска, пытаясь захватить «богатства Сибири и Урала»?»

Осенью 1918 года во Владивостоке разместилось один-

надцать генеральных консульств и семь иностранных военных представительств. Иностранные офицеры находились при штабе адмирала Колчака. Многим сибирякам и дальневосточникам не нравилось тесное сотрудничество белых с иностранцами.

На Севере после отъезда англичан белые офицеры, которым надоело подчиненное положение при союзниках, поздравляли друг друга. Но уход иностранных войск стал губительным для Белого движения. Северный фронт белой армии продержался всего пять месяцев. Белые пытались мобилизовать крестьян для борьбы с красными. Крестьяне готовы были защищать свои деревни, но не желали воевать далеко от родных мест. 19 февраля 1920 года Красная армия взяла Архангельск. Генерал Миллер эмигрировал в Норвегию, потом перебрался во Францию. Его имя еще возникнет на страницах этой книги…

4 декабря 1918 года «Джордж Вашингтон» (бывший немецкий пассажирский лайнер) вышел из нью-йоркской гавани. На борту находилась американская делегация во главе с президентом Соединенных Штатов Вудро Вильсоном, отправлявшаяся на Парижскую мирную конференцию. Первая мировая война завершилась, и державы-победительницы решали судьбу проигравших. Из обломков Германской, Австро-Венгерской, Оттоманской империй рождались новые государства.

Президента Вильсона сопровождали лучшие эксперты

страны, а также французский и итальянский послы в США. Вильсон был первым американским президентом, который поехал в Европу. Противники упрекали его в том, что он нарушает конституцию. Даже его сторонники полагали, что он поступает неразумно: президент не должен сам заниматься текущими переговорами.

Один британский дипломат ехидно заметил: Вильсона влекло в Париж, как дебютантку на первый бал. На мирной конференции американский президент предстал перед человечеством в роли главного миротворца, к которому все прислушиваются.

Его друг и советник по внешнеполитическим делам Эдвард Мэнделл Хауз уже находился в Европе. Звание полковника полиции он получил от губернатора штата Техас, где владел хлопковой плантацией и банком и занимался политикой. Помог избранию Вильсона на президентских выборах 1912 года и стал его ближайшим помощником по международным делам. Эдвард Хауз не получил никаких должностей в администрации, но в Белом доме в его распоряжение выделили две комнаты (см. «Вопросы истории», № 7/2005).

Президент ему очень доверял:

– Нет никого кроме вас, кто так хорошо знаком с моей точкой зрения, и я не желаю, чтобы кто-нибудь другой пытался ее интерпретировать.

Полковник Хауз исходил из того, что Соединенным Штатам необходимо участвовать в решении болезненных евро-

пейских проблем, иначе опять возникнет всеобщая война, которая ударит по американским интересам.

У Вильсона был свой круг советчиков. В группу входили больше сотни ученых, преподавателей, литераторов, включая известного историка Элиота Морисона и знаменитого журналиста Уолтера Липмана. Они готовили для президента предложения относительно условий заключения мира и рисовали карты будущей Европы.

«Во время Первой мировой войны, – писал профессор Сэмюэль Харпер, американский русист, – многие американцы начали понимать, что события, происходящие в далекой России, касаются их и даже оказывают влияние на их жизнь. Интерес общественности к этой неизвестной стране то усиливался, то падал в годы войны, но мне кажется, что среди вдумчивых людей подлинный интерес к России возрастал все время».

Но ни Америка, ни другие страны не знали, как относиться к правительству большевиков.

В 1918 году глава крупнейшей в Европе Могилевской епархии католической церкви архиепископ Эдвард фон Ропп писал в Ватикан: «Власть Ленина и большевиков носит временный, переходный характер; она не в состоянии восстановить экономику и сельское хозяйство, а также законность и авторитет государства… Россию постигло Божье наказание, исчезли все моральные ограничения».

Премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж

хотел, чтобы Россия участвовала в конференции в Париже, где обсуждались условия мира с Германией и ее союзниками и определялись принципы послевоенного переустройства Европы. Нельзя же делать вид, словно России не существует.

Он не любит большевиков, признавался Ллойд Джордж, но можно ли их не признавать? Когда-то после Французской революции Англия уже совершила ошибку, не признав революционную власть и поддержав свергнутых аристократов:

– Это привело страну к войне, которая продолжалась двадцать пять лет.

Ллойд Джордж, решительный человек с репутацией борца за справедливость, пережил страшную трагедию – погибла его любимая дочь. Это настроило Ллойд Джорджа на религиозный лад. Премьер-министр испытывал симпатию к русскому народу:

– В мировую войну русские войска сражались без оружия и боеприпасов, их предало их собственное правительство. Что же удивляться, что отчаявшиеся русские восстали?

А вот тогдашний премьер-министр Франции Жорж Клемансо считал большевиков агентами немцев и осуждал их методы. В юности он видел жестокость толпы и потопленную в крови Парижскую коммуну. Он опасался, что одно только появление делегации большевиков воодушевит опасных французских радикалов, возникнут паника и уличные мятежи, правительству придется пустить в ход силу. Клемансо сказал, что уйдет в отставку, если большевиков пригласят на

мирную конференцию в Париже.

Западные либералы не спешили строго судить большевиков, считая, что им нужно дать шанс. Но разгон всенародно избранного Учредительного собрания в январе 1918 года, расстрел царской семьи и отказ платить долги шокировали общество. Очень многие французы купили российские облигации и в результате потеряли свои деньги.

Тем не менее президент Вудро Вильсон считал, что большевики сделали неплохое дело – отняли власть у правительства и большого бизнеса, чтобы дать больше свободы отдельной личности. Вильсон и Ллойд Джордж исходили из того, что прежний режим противоречил интересам человека и логично, что его свергли.

– Проблема с нашим премьер-министром, – жаловались британские политики, – состоит в том, что Ллойд Джордж сам в какой-то степени большевик. Из всех фигур на мировой арене он предпочитает Троцкого.

Но большинство западных политиков большевикам не симпатизировали. Распространение радикальных коммунистических идей их пугало.

Государственный секретарь США Роберт Лансинг писал: «Большевизм обращается к неразумной и грубой части человечества с призывом отобрать у мыслящих и добившихся успеха в жизни людей их права и собственность и ввергнуть их в состояние рабства… Большевизм наиболее отвратителен и уродлив из всего того, что было когда-либо создано

человеческим разумом. Он апеллирует к низменным страстям и находит своих поклонников среди преступных, развращенных и умственно отсталых людей…»

Лансинг сформулировал свое понимание большевизма:

– Если желудки пусты – будут большевики, если желудки полны – не будет большевиков.

Многие считали, что большевистские идеи проникают на Запад, потому что люди в тоске – крестьяне остались без земли, рабочие без работы, женщины без надежды. Надо позаботиться о том, чтобы исчезли причины, порождающие большевизм. Ллойд Джордж заметил одному британскому журналисту:

– А вы не думаете, что большевизм умрет сам по себе? Европа очень сильна.

Тем временем противники ленинского правительства призывали Антанту вмешаться и остановить большевиков. Об этом просили русские генералы и дипломаты, давние партнеры европейцев. А к кому же им еще обратиться за помощью против немцев и большевиков, как не к союзникам по Великой войне? Организовать мощную антибольшевистскую армию собственными силами не получалось, а союзники могли стать надежной опорой в борьбе против коммунистов.

Российские эмигранты, собравшись в Лондоне, в июне 1918 года обратились к американскому президенту: «Как русские люди, разделяющие демократические цели войны,

не раз указанные Вами в Ваших речах и нотах, мы говорим: идите в Россию, пока не поздно. Это необходимо для нашей Родины, это необходимо для самих союзников, это необходимо для будущих поколений, так как без возрождения России никакой мир не будет прочен».

Обращения вызывали сочувствие и понимание. Да разве большевики представляют всю Россию, соглашались западные политики. Существуют ведь еще и белые правительства. Разве не они наши настоящие союзники и партнеры?

Но кого все-таки поддержать? Вот вопрос, который волновал европейцев и американцев.

Американский дипломат Девитт Клинтон Пул отправился в Ростов-на-Дону под предлогом открытия консульства, оттуда перебрался в Новочеркасск. Ему было велено разобраться, что там происходит. Именно в казачьей столице родилась белая армия, поскольку на просьбу «дать приют русскому офицерству» откликнулся атаман войска Донского Каледин.

Алексей Максимович Каледин с юности избрал военную стезю, окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Сослуживцы считали его честным, смелым, упрямым и, может быть, несколько угрюмым. Насколько он был счастлив в военной карьере, настолько несчастлив в личной жизни. Его единственный сын в двенадцать лет утонул, купаясь в реке.

Первую мировую войну будущий атаман Каледин начал в

роли командующего 12-й кавалерийской дивизией. Он был ранен, награжден. Генерал Алексей Алексеевич Брусилов поставил его сначала во главе корпуса, а весной 1916 года, возглавив Юго-Западный фронт, передал Каледину свою 8-ю армию.

Каледин участвовал в знаменитом Луцком прорыве, который при советской власти стал именоваться Брусиловским (поскольку Брусилов перешел на сторону советской власти). В мае 1916 года Каледин участвовал в наступлении Юго-Западного фронта и добился большого успеха. Получил погоны генерала от кавалерии.

Командующий фронтом Брусилов телеграфировал Каледину: «Слава и честь 8-й армии с Вами во главе. Не нахожу слов благодарности за беспримерную быструю решительную боевую работу… Низко кланяюсь славным частям 8-й армии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.